
**Приставства на окраинах Российской империи
в XVIII — первой половине XIX в.:
от административного лица к системе управления**

Гульбану Избасарова, Сергей Любичанковский

***Pristavstva on the outskirts of the Russian Empire
in the 18th — first half of the 19th century:
from a personal position to a management system***

*Gulbanu Izbassarova (Lomonosov Moscow State University, Russia),
Sergey Lyubichankovskiy (Orenburg State Pedagogical University, Russia)*

По мере расширения территории Российской империи возникала необходимость организовать управление новыми подданными, учитывая конфессиональный состав, хозяйственный тип, географические, социальные и исторические особенности, а также время присоединения тех или иных регионов. В XVIII в. для руководства кочевыми и горскими народами создавались приставства¹, представлявшие целую систему со своим штатом. Как отмечают исследователи, «приставская система позволяла, с одной стороны, установить постоянную русскую администрацию у народов, переходивших в российское подданство, а с другой, — не форсировать политику, направленную на изменение местных форм управления, а, наоборот, проводить её с учётом уровня общественного устройства, традиций и жизненного уклада новых подданных империи»².

В 1715 г. в Астрахань с разных улусов поступали сообщения о готовившемся походе кубанцев против калмыков. Калмыцкий хан Аюка и его сын Чакдоржап неоднократно просили прислать войска для защиты, но остались без помощи и в марте 1715 г. понесли жестокое поражение, а в августе к Аюке был направлен стольник Д.Е. Бахметев³. «Официально, — пишет Ж.Б. Кундакбаева, — ему было поручено оберегать хана в случае внезапных нападений неприятелей, оказывать помощь калмыцким улусам»⁴. Согласно инструкции, стольнику следовало зимой и летом находиться со служилыми людьми при хане, защищая его от нападений башкир, крымцев и кубанцев и не допуская разорения улусов. При необходимости он мог обратиться за помощью к казанскому губернатору. Бахметев должен был давать хану советы и следить,

© 2018 г. Г.Б. Избасарова, С.В. Любичанковский

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01008).

¹ «Пристав — надсмотрщик, надзиратель, смотритель, вообще должностное лицо, приставленное к чему-либо» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1990. С. 445).

² *Мальцев В.Н., Чирг А.Ю.* Институт приставства на Кавказе: создание, деятельность, эволюция (вторая половина XVIII века — 1860 год) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 3. С. 2.

³ *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Ч. 3–4. Астрахань, 1929. С. 28, 33.

⁴ *Кундакбаева Ж.Б.* «Знаком милости Е.И.В...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII в. М., 2005. С. 108.

чтобы тот оставался «во всякой верности», не вёл переписки или переговоров с Османской империей, а его люди «не чинили никаких задоров и досад с кубанцами, крымцами и другими турецкими подданными и никакой причины к ссоре не подавали». Про «обиды» от донских казаков писать полагалось непосредственно царю. Вместе с тем в специальной инструкции Бахметеву поручалось секретно собирать сведения о внешнеполитической деятельности Аюки и поведении калмыков, сообщая о всех своих наблюдениях и предложениях в государственную посольскую канцелярию, казанскому губернатору и астраханскому обер-коменданту⁵.

В книге Ж.Б. Кундакбаевой Бахметев и его преемники — В. Беклемишев и Н. Львов — упоминаются как резидент-советники, «бывшие при калмыцких ханах»⁶. Н.Н. Пальмов называет их «правительственными агентами»⁷. Но фактически они выступали в роли приставов при калмыцком хане⁸. К.Н. Бестужев-Рюмин употреблял термин «пристав» по отношению к Н.Г. Спицыну, направленному в калмыцкие улусы в 1744 г., во время конфликта между астраханским губернатором В.Н. Татищевым и калмыцким наместником Дондук-Даши⁹. Подполковник Спицын находился при «калмыцких делах» в Ено-таевске и, как ранее Бахметев, Беклемишев и др., собирал сведения о взаимоотношениях местной элиты, её отношении к российскому правительству и т.д. К примеру, в мае 1745 г. он доносил о том, что Дондук-Даши решил уйти со всеми улусами в пределы Персии, испугавшись слухов, согласно которым улус предполагалось отдать вдове Дондук-Омбо В. Дондуковой с детьми, а калмыков — крестить¹⁰.

В 1820-е гг. в казахской степи появился пристав П. Карсаков, отправленный МИД к хану Младшего жуза Шергазы Айшуакову. Характерно, что оренбургский военный губернатор П.К. Эссен выступал против подобной меры, опасаясь, что «присутствие пристава при хане произведёт в Орде невыгодное и опасное впечатление». Однако назначенный в 1820 г. председателем Оренбургской пограничной комиссии статский советник В.Ф. Тимковский, который с конца XVIII в. в Азиатском департаменте «заведывал по калмыцким, туркменским и караногайским делам», утверждал, что «пребывание пристава и военного отряда при хане будет иметь значительное влияние на дела ордынские и послужит великим пособием к ея благоустройству»¹¹. Между тем, как указывал в докладе императору директор Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникин, деятельность Тимковского «всегда обращала на себя особенное внимание начальства... по отличным его познаниям, способностям и усердию»¹².

Как и Бахметев при Аюке, пристав, согласно данной ему инструкции, должен был безотлучно находиться при хане и охранять его, содержать орду в тишине и спокойствии, способствовать развитию торговли, добиваться возвращения

⁵ Пальмов Н.Н. Указ. соч. С. 41–42.

⁶ Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И.В...»... С. 109, 114.

⁷ Пальмов Н.Н. Указ. соч. С. 111.

⁸ Избасарова Г.Б. Имперские механизмы управления окраинами. Башкиры, калмыки, казахи в XVIII–XIX вв. // Вестник Российской нации. 2017. № 2. С. 123.

⁹ Бестужев-Рюмин К.Н. Василий Никитич Татищев (1686–1750) (администратор и историк начала XVIII в.) // Сборник Русского исторического общества. К истории горного дела. М., 2003. № 6(154). С. 154.

¹⁰ История Калмыкии с древнейших времён до наших дней. В 3 т. Т. 1. Элиста, 2009. С. 403.

¹¹ РГИА, ф. 1291, оп. 81, 1820 г., д. 73, л. 10а, 13–13 об.

¹² Там же, л. 45.

пленных и прекращения барымты (вооружённого захвата скота и иного имущества в качестве компенсации за нанесённые «обиды» или причинённый ущерб)¹³. Ему предписывалось взыскивать товары у ограбивших купеческие караваны кочевников, отыскивать беглых солдат и татар, содействовать прекращению распрей, самоуправства и взаимных грабежей в орде, подвергать строгому наказанию тех кочевников, которые были уличены в нападении на линейных жителей, захвате пленных, угоне скота. Наблюдая за всем происходящим в жузе, Карсаков был обязан сообщать полученные сведения в Оренбургскую пограничную комиссию, выполнять её распоряжения, «таковые же, коих исполнение зависит от хана или султана или другого кого из ордынцев, представлять приличным образом хану и употреблять свои внушения и домогательства по оным». При этом Шергазы Айшуакову нужно было напоминать о присяге императору, а от его народа требовать беспрекословного послушания хану, ханскому совету и частным родоначальникам (утверждённым правительством), запрещая под каким-либо предлогом нападать на российские границы и проходившие по степи караваны. По инструкции (ст. 19) приставу следовало «стараться всячески, чтобы те из киргизцев (как тогда называли казахов. — *Авт.*), кои виновны по каким-либо делам прямо противу правительства или линейных жителей, не оставались без наказания от хана или от его совета». Вместе с тем ему поручалось наблюдать, чтобы решения ханского совета были правосудны, не медлительны, соответствовали обычаям народа и российским законам¹⁴. Со своей стороны, руководство МИД рекомендовало хану и его совету осуществлять суд и расправу согласно древним ордынским обычаям, по примеру калмыков, которым разрешалось все их дела решать в суде Зарго¹⁵.

Таким образом, главной функцией приставов, состоявших при калмыцких и казахских владетелях, являлась охрана хана, а их безопасность обеспечивал отряд казаков. Появление этих должностных лиц при правителях номадов в период ослабления их власти свидетельствовало о том, что империя пыталась регулировать противоречия, возникавшие в кочевых обществах, и усиливала традиционный для них институт ханства.

Институт приставства получил широкое распространение и на других окраинах Российской империи. В 1769 г. должность пристава была введена в Кабарде. Первым приставом, назначенным для общего надзора за регионом, стал секунд-майор Дмитрий Таганов, внук ногайского владельца Мусы Мурзы — «главного над солтанаульскими татарами, составляющими большую часть кубанского народа»¹⁶. В 1793 г. ногайцы, кочевавшие по территории от рек Кумы и Калауса до Каспийского моря, были объединены в четыре приставства: Калаус-Саблинское, Калаус-Джембайлуковское, Ачикулак-Джембайлуковское, Караногайское. Приставы выполняли распоряжения Коллегии иностранных дел, устанавливали отношения с кочевой знатью, регулировали взаимоотношения коренного населения с русскими переселенцами. По мнению П.И. Магаевой, система приставств стала первой попыткой создать местную администрацию у народов, подчинившихся Российской империи. Так, непосредственное управление ногайскими ордами, согласно инструкции, утверждённой 28 мая

¹³ Государственный архив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 2313, л. 283–284.

¹⁴ Там же, л. 279 об., 282–284.

¹⁵ РГИА, ф. 1291, оп. 81, 1820 г., д. 73, л. 140 об.—143.

¹⁶ *Блиева З.М.* Становление российского бюрократического аппарата на Северном Кавказе в конце XVIII — первой трети XIX вв. Владикавказ, 2001. С. 76.

1802 г., возлагалось на главного пристава и трёх частных приставов. В административном отношении три приставства создавались на закубанской территории, ещё четыре — в населённых ногайцами степных районах Северного Кавказа¹⁷.

После того как большая часть калмыков откочевала из пределов России, Екатерина II 19 октября 1771 г. подписала указ астраханскому губернатору, упразднявший звания ханов и наместников. Отныне все владельцы должны были распоряжаться своими улусами самостоятельно и независимо друг от друга. Одновременно все они подчинялись астраханскому губернатору. Тогда же из числа русских чиновников («учеников» и «переводчиков» калмыцкого языка) были назначены приставы, которые должны были постоянно находиться при правителях улусов, наблюдать за ними, координировать их действия с российскими учреждениями и регулярно докладывать об обстановке в улусах. Они не имели полномочий вмешиваться в то, как нойоны управляли своими подвластными, но были обязаны всеми способами склонять их к выполнению распоряжений правительства и местной администрации¹⁸. В 1770-х гг. приставы находились при четырёх правителях: двое у дербетов и в Яндыковском улусе и один у кочевавших вместе икицохуровских нойонов Асархо и Маши. В 1780-х гг. пристав появился и в улусе стремительно набиравшего политический вес Тюменя¹⁹.

29 августа 1800 г. указом Павла I «Об определении коллежского советника Макарова к управлению делами калмык, кабардинцев, трухменцев и ногайцев и других азиатских народов» была учреждена должность главного пристава, которому подчинялись кочевники Астраханской губ. и находившиеся за Кавказской линией²⁰. Для проезда в Астрахань коллежский советник получил 1 200 руб. Первоначально он же рассматривал конфликты и споры между представителями местного населения и русскими. Но прежде ему пришлось ознакомиться с делами калмыцкой канцелярии, прошениями калмыцкой депутации, незадолго до этого побывавшей в Петербурге и добившейся больших успехов: после встречи в Гатчине дербетовского владельца Чучея Тундутова и ламы Собин Бакши с Павлом I калмыкам разрешили избрать себе начальника, был восстановлен закрытый при Екатерине II Зарго, по всем делам разрешалось обращаться в Коллегию иностранных дел и т.д.

30 сентября главный пристав, подчинявшийся Коллегии иностранных дел, получил инструкцию, подписанную гр. Ф.В. Ростопчиным. В соответствии с нею, Макарову следовало «личным обращением и правдивыми поступками с владельцами кочевых народов, старшинами и с подвластными им людьми, стараясь вникнуть в права их и в обычаи каждого народа, и приноравливаясь к оным сколько можно, снискать доверенность и любовь. Никаких обид, огорчений, насилия никому не чинить, взяток не брать и других к тому не допускать под опасением суда и законного взыскания». Он выступал как «посредник и ходатай в нуждах и делах относительно к здешнему правительству, от коего они яко подданные Е.И.В. имеют право наравне с прочими россиянами требовать

¹⁷ *Магаева П.И.* Административные и судебные реформы в горских округах Кубанской области во второй половине XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1998. С. 14.

¹⁸ *Батыров В.В., Горяев М.С., Команджаев А.Н., Команджаев Е.А.* Изменения в системе управления Калмыкией в конце XVIII — начале XX века. Элиста, 2014. С. 44, 47.

¹⁹ История Калмыкии с древнейших времён... Т. 1. С. 459.

²⁰ ПСЗ-I. Т. 26. № 19536. С. 280.

нужной себе защиты и ограждения законами»²¹. Но, являясь в «справедливых требованиях ходатаем» владельцев улусов, старшин кабардинцев, калмык, туркмен, ногайцев перед властями империи, защитником местных обычаев и народного права, Макаров обязан был руководствоваться прежде всего императорскими указами и инструкциями Коллегии иностранных дел. Имея «ласковое обхождение и оказывая пристойную учтивость» местным правителям, главный пристав должен был требовать от них соблюдения российских законов и ежемесячно рапортовать в Петербург и доносить астраханскому военному губернатору о номадах, их владельцах, месте пребывания, численности и т.п.²²

В Астрахани Макарову необходимо было явиться к военному губернатору К.Ф. Кноррингу, получить от него особые письма к «начальникам тех народов», подтверждающие, что коллежский советник послан к ним императором и готов «оказать попечение», а затем выяснить положение дел в регионе и отправиться к месту «удобному и ближнему к тем степным народам», дабы иметь возможность быстро встречаться с их знатью, которую предстояло «отвращать от притеснения и обид дружескими и хорошими советами, склонять к добросовестным поступкам, к послушанию», убеждая «не делать никому обиды, ни у кого собственность не отнимать ни под каким предлогом и вымыслом»²³. Для этого главному приставу важно было установить, где именно расположены кочевья в зимнее время, а летом «успевать и стараться сколько возможно быть всюду с ними»²⁴.

Макарову предоставлялось самому подобрать себе помощников: переводчика, знающего калмыцкий язык, писца и двух толмачей²⁵. Все они принимались на службу, а их формулярные списки и вся документация отправлялись в Коллегию иностранных дел. Годовое жалованье главного пристава составляло 1 200 руб., секретаря — 415, переводчика — 400, писца — 200 руб., двум толмачам полагалось по 100 руб., на канцелярские расходы выделялось 200, а на почтовые — 300 руб. (суммы выдавались по предписанию государственного казначея барона А.И. Васильева из доходов Астраханской губ.)²⁶.

Изучив и подробно описав жизнь и взаимоотношения кочевых народов, Макаров мог представить на рассмотрение Коллегии иностранных дел свои соображения, «если вы что-либо нашли потребным установить или учредить между ими, а паче между соседственными горскими обитателями для вечно-го их спокойствия и блага»²⁷. Поскольку тогда же у кабардинцев учреждались суды, в которых судьи, избранные из представителей коренного населения, разбирали дела согласно народным обычаям и традициям, Макарову предписывалось следить за справедливостью их решений и принимать жалобы, сообщая о замеченных нарушениях астраханскому военному губернатору²⁸. В случае возникновения между кочевниками вражды и споров Макаров, с согласия Кнорринга и местных правителей, мог разводить кочевья и размещать их так, «чтоб пастьбою скота и другим потребностями не могли мешать одно

²¹ Государственный архив Астраханской области, ф. 1, оп. 1, д. 1638, л. 5 об.

²² Там же, л. 15–16.

²³ Там же, л. 5 об.—6.

²⁴ Там же, л. 13 об.

²⁵ Там же, л. 3 об.

²⁶ Там же, л. 13 об.—14. Макарову также нужно было найти переводчиков, владеющих персидским и арабским языками, для Коллегии иностранных дел (Там же, л. 14 об.).

²⁷ Там же, л. 14 об.

²⁸ Там же, л. 6 об.

другому». К нему же поступали просьбы кочевников, желавших посетить российские города, однако удовлетворялись они только при наличии письменного согласия их правителя²⁹.

В отношениях с кочевой знатью приходилось соблюдать крайнюю осторожность. Если правитель улуса обвинял соседнего владельца или старшину «в недоброжелательности или в злом умысле против правительства» и просил отправить войска для усмирения готовящегося мятежа, главный пристав собирал сведения и требовал доказательств, о которых можно было бы донести императору или в Коллегию иностранных дел (прямые обращения местных начальников в Петербург исключались). Особое внимание уделялось тому, чтобы владельцы и старшины не могли уйти со своими народами за границу. Если главный пристав сообщал о подобной угрозе, Кноррингу надлежало принять меры, чтобы воспрепятствовать переходу и поймать зачинщиков. Следить за обстановкой Макаров мог при помощи приставов, отправленных непосредственно к калмыкам, ногайцам, кабардинцам, туркменам (при необходимости Коллегия иностранных дел готова была по его донесению назначить их и к другим народам края)³⁰.

Беспокойство вызывали и взаимоотношения кочевников с соседними государствами, прежде всего с турецким султаном и закубанскими племенами. Макарову предстояло обнаруживать засылаемых шпионов и выяснять, не призывает ли Порта к побегу и выходу из российского подданства, незамедлительно ставя в известность о таких случаях астраханского военного губернатора. Соответствующее донесение отправлялось через почту или с особым посланцем, имена информаторов при этом в письме не указывались³¹. С персидским двором Россия имела в то время дружественные отношения, и Макарову предписывалось прилагать все усилия, чтобы подданные императора не совершали набеги на владения шаха. Местным начальникам было строго наказано следить за подчинённым им населением и удерживать его «от ссор и неприязни». Все старые обиды и притеснения предлагалось забыть, а имеющиеся претензии предъявлять дипломатическим путём — через Коллегию иностранных дел (с извещением астраханского военного губернатора)³².

О конфликтах с участием кочевников на торгах в российских городах докладывалось городовым властям и владельцам улусов, в Астрахани — азиатскому суду и Калмыцкой канцелярии, которые рассматривали мелкие тяжбы. Более сложные дела передавались главному приставу. Если ответчиком являлся представитель номадов, то их начальники рассматривали дело в народном суде, русские судились на основании российских законов. Уголовные процессы велись по согласованию с астраханским военным или гражданским губернатором. Ссоры между представителями кочевых народов и казаками разрешались в Астрахани военным или гражданским губернатором³³.

Калмыки и ногайцы нередко жаловались на то, что русские не позволяют им ловить рыбу в реках, рубить дрова, пасти скот, насильственно увозят детей и людей из улусов. Главному приставу напоминалось, что все российские подданные имеют равные права пользоваться реками, лесом и вольными местами и возникновение каких-либо препятствий к этому подлежит

²⁹ Там же, л. 7 об.

³⁰ Там же, л. 9.

³¹ Там же, л. 9 об.

³² Там же, л. 10—10 об.

³³ Там же, л. 11—12.

ведению астраханского военного или гражданского губернатора. Кроме того, о всех подобных случаях докладывалось в Коллегию иностранных дел. Если кто-либо из местных владельцев или старшин жаловался на крещение калмыков в городах, то нужно было разъяснять, что это делается по желанию самого человека³⁴.

Главный пристав занимался и согласованием отправки в столицу deputаций и посольств подчинённых ему народов. При желании местных владельцев отправить к императору своих посланцев, главный пристав, узнав цель поездки, доносил об этом в Коллегию иностранных дел. Если при этом усматривались те или иные «излишние требования», то главный пристав «пристойным» образом затягивал дело, уверяя владельцев улусов, что «не оставит приложить старание к доставлению им удовлетворения от военного или гражданского губернатора», дабы не утруждать Высочайший двор³⁵.

26 октября 1801 г. Александр I подписал указ «О утверждении прав и преимуществ, калмыцкому народу присвоенных; о восстановлении всех сношений по делам сего народа в прежнем их порядке, правам ему данным сообразном, и от внешних начальств, кроме сей Коллегии, независимом». По прошению наместника калмыцкого народа Чучея Тундутова был назначен главный пристав для калмыков — коллежский советник Н.И. Страхов, ранее служивший в Мануфактур-конторе. Являясь директором шелководства на Ахтубе, он часто находился в кочевьях калмыков и был хорошо известен их элите³⁶. Как главный пристав Страхов наблюдал за деятельностью наместника, Шажин-ламы, Зарго и нойонов, подчиняясь Коллегии иностранных дел, а позднее — МВД (Макаров остался главным приставом для ногайцев, туркмен, кабардинцев, абазин и др.). В подчинении главных приставов находились четыре частных пристава, состоявшие при номадах и исполнявшие в своих кочевьях обязанности земской полиции, производившие следствия по уголовным делам, осуществлявшие надзор за исполнением решений окружного суда и иные функции «по сохранению благочиния, охраны и защиты польз и выгод народа». Им поручалось «направление оного к трудолюбию и промышленности, и внушения преимуществ постоянного жительства как средства благонадёжного к лучшему сохранению скотоводства их во время зимнее», но особо оговаривалось, что «сии внушения не должны иметь вида принуждения»³⁷.

Постепенно для каждого народа назначались свои главные приставы. В 1803 г. кн. П.Д. Цицианов доложил императору о жалобе бештовых ногайцев на их пристава Г.С. Корнилова, который обвинялся в «отягощении их непозволительными работами и всякого рода мздоимствами». По окончании следствия по этому делу Цицианов рекомендовал Александру I ногайского князя Менгли-Гирея, прося «определить его в виде пристава, который подчиняется главному приставу к[оллежскому] с[оветнику] Макарову, но [является] начальником над бештовскими ногайскими татарами в непосредственной зависимости от главного на Линии

³⁴ Там же, л. 12–12 об.

³⁵ Там же, л. 13.

³⁶ ПСЗ-I. Т. 26. № 20037. С. 808–809.

³⁷ *Абрамян Л.П.* Государственное управление внутренними инородцами Степного Предкавказья во второй половине XVIII — первой половине XIX в. (политико-правовые и социально-культурные аспекты). Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2009. С. 78.

начальника». Вскоре он был назначен приставом со званием генерал-майора³⁸. Затем главный пристав появился и у караногайцев.

По новой инструкции, утверждённой 18 мая 1802 г., главные приставы были обязаны «составить подробное описание народов и имеющегося управления ими», собрав и систематизировав сведения о законах и обычаях степняков, регулировавших права отдельных лиц, родителей и родственников, духовных особ и начальников, полномочия и организацию суда, употребление присяги, её формы, взыскание долгов, наказания за нарушение правил веры, неповиновение и буйство, кражи, обман и т.д.³⁹

В 1810 г. Страхов опубликовал краткую историю калмыков, осветив в том числе и изменения, произошедшие в их судьбе после трагического перехода в Джунгарию в 1771 г. С тех пор, как отмечал главный пристав, калмыки «умалившись в числе, умалились и в духе, отучились от войны» и уже не могли обеспечить безопасность границы. Так, «дербетовская орда всех многочисленнее и простирается до 10 000 кибиток, по ней следует торгоутовская, а самая малая хошоутовская» (по мнению автора, основанному на «достоверных разведываниях и примечаниях», общее количество кибиток доходило до 20 тыс.). «Сей народ, — писал Страхов, — по справедливости можно назвать передельщиками пропадающей травы в живой скот. Миллионы десятин земли, бесплодной и изсушённой солнечным зноем, калмыки обращают в миллионные табуны и стада, обращают пустую степь в надёжный богатый конный и скотный двор для целой России»⁴⁰.

Назначенный в 1822 г. главным приставом ногайского народа надворный советник П.С. Балуев и его помощники собрали обширный материал о численности, этнографии и социальной организации ногайцев. В дальнейшем он лёг в основу разработанного в 1827 г. «Положения о кочующих народах»⁴¹.

Институт приставства получил распространение и в других регионах. В 1802 г. по инициативе Коллегии иностранных дел управление северокавказскими народами было изъято из подчинения начальнику Кавказской линии и передано приставам⁴². В 1807 г. для усиления контроля над чеченской территорией надзор «за поведением» чеченцев и кумыков поручили главному калмыкскому приставу⁴³. В 1817 г. приставство ввели в бывшем Мехтулинском ханстве в Дагестане, в 1818 г. — у чеченцев, проживавших на правом берегу Терека, и у назрановских ингушей, в 1830 г. — в Осетии и Ингушетии⁴⁴. 10 октября 1848 г. вышел указ Николая I «О учреждении особого приставства над карабулаками и чеченцами»⁴⁵. В целом в первой половине XIX в. приставская система на Северном Кавказе эволюционировала в сторону переподчинения армейскому командованию

³⁸ Там же. С. 112.

³⁹ Потрихальская А.А. Приставства — как форма организации управления кочевыми народами Степного Предкавказья // Социально-экономическое развитие Северного Кавказа и местное самоуправление. Сборник статей. Ставрополь, 2005. С. 104.

⁴⁰ Страхов Н.И. Нынешнее состояние калмыцкого народа, с присовокуплением калмыцких законов и судопроизводства, десяти правил их веры, молитвы, нравоучительные повести, сказки, пословицы и песни Савардин. СПб., 1810. С. 17–18, 41–44.

⁴¹ Магаева П.И. Административные и судебные реформы... С. 15.

⁴² Мальцев В.Н., Чирг А.Ю. Институт приставства на Кавказе... С. 3.

⁴³ Блиева З.М. Становление российского бюрократического аппарата... С. 95.

⁴⁴ Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII — первой трети XIX вв. Владикавказ, 1992. С. 97, 99.

⁴⁵ ПСЗ-II. Т. 23. Отд. I. СПб., 1849. № 22641. С. 640.

и превращения в часть военного аппарата управления регионом⁴⁶. В 1822 г. А.П. Ермолов составил для приставов «Наказ для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» (в 1827 г. его положения получили силу закона⁴⁷). В нём уточнялись функции главного и частных приставов, определялись штаты, жалование и источники финансирования.

1 марта 1827 г. частный пристав был направлен к откочевывавшим от своих улусов калмыкам, проживавшим в устье Волги и при главных почтовых и проезжих дорогах. По данным МВД, множество беднейших калмыков со всех улусов избрали местом своего пребывания мочаги — неприступные места по берегам Каспийского моря (от Волжской дельты почти до Кизляра). Их обитатели занимались на рыбные промыслы и на другие работы, а также, пользуясь недоступностью и отдалённостью от улусов, делали набеги, грабили, скрывали преступников. При приближении казаков или чиновников они уплывали на лодках и избавлялись от погони и наказания. Для подчинения этих калмыков Астраханская комиссия калмыцких дел, по предложению главного пристава, признала необходимым назначить исключительно для них особого частного пристава с грамотным толмачём и командой из 25 казаков, снабдив его лодкою о четырёх вёслах для разъездов по мочагам и разливам. 25 февраля 1827 г. Николай I утвердил штат частного калмыцкого пристава при мочагах Каспийского моря⁴⁸. Учитывая трудность и опасность данной должности, жалование частного пристава составляло 700 руб., толмачу калмыцкого языка, исправлявшему также должность писаря при приставе, полагалось 400 руб. Для строительства лодки было выделено единовременно 250 руб., а на её ремонт — по 60 руб. в год. Улусам следовало ежегодно выдавать четыре кибитки для пристава и казаков.

Выполняя в основном посреднические функции, приставы имели постоянный контакт с местным населением и его элитой, изучали быт подвластных народов, собирали и обрабатывали различные сведения этнографического, демографического, социально-экономического характера. Однако они не обладали властными полномочиями, что лишало их необходимого авторитета. Нередко правители кочевых обществ упрекали их в некомпетентности. Так, например, хан казахского Младшего жуза Шергазы Айшуаков 22 декабря 1822 г. жаловался К.В. Нессельроде на то, что радушно принятый им пристав полковник А.З. Горихвостов, основной обязанностью которого была охрана хана и сбор информации о Степи, не ознакомившись с законами, народными обычаями и нравами казахов, поступает исключительно по своему усмотрению⁴⁹.

Так или иначе, институт приставства, формируясь на окраинах Российской империи и пройдя путь от административного лица при ханах до административно-территориальной единицы со своей организацией и штатом, постепенно сложился в определённую переходную систему управления, учитывавшую хозяйственный тип, географические и исторические особенности развития народов.

⁴⁶ Мальцев В.Н., Чирг А.Ю. Институт приставства на Кавказе... С. 2.

⁴⁷ ПСЗ-II. Т. 2. СПб., 1830. № 877, 878.

⁴⁸ Там же. № 936.

⁴⁹ Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.). Т. 4. М.; Л., 1940. № 136. С. 417–429. Приставы при казахском хане подчинялись Оренбургской пограничной комиссии, оренбургскому военному губернатору.